

ЭКОЛОГИЯ, ЭКОНОМИКА И ПРАВО

Н.Ф. КОВКЕЛЬ

О ПЕРСПЕКТИВАХ СЕМИОТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ПРАВА И ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

В современной отечественной и зарубежной юриспруденции исследование права посредством использования семиотического метода представлено очень незначительным количеством работ. Между тем основоположники семиотики отмечали универсальный характер этой науки и указывали на возможности ее применения в науках, изучающих знаковые системы, в том числе и в юриспруденции [1, 38—39, 97—98].

Идея создания науки о знаках и знаковых системах возникла почти одновременно и независимо у нескольких ученых, но основателями семиотики чаще всего называют американского логика и философа Чарльза Сандерса Пирса и швейцарского лингвиста Фердинанда де Соссюра. С ними же связаны и два основных направления, по которым первоначально развивалась семиотика: логико-математическое и лингвистическое [2, 23—28]. Для логико-математического направления, возглавляемого Ч.С. Пирсом и его последователем Ч.У. Моррисом, был характерен широкий подход к пониманию знака и знакового процесса. Так, среди 76 определений знака, разработанных Ч. Пирсом, встречается следующая предельно широкая дефиниция этого понятия: «Знак или репрезентема — это что-то, что стоит для кого-то вместо чего-то другого в том или ином плане или отношении» [3, 14]. При таком универсальном подходе к знакам и знаковым системам вся окружающая человека действительность приобретает преимущественно знаковый характер, в связи с чем концепции данного направления активно критиковались за гипертрофированную роль знаков [2, 23—24; 4, 46—48; 5, 237—238]. Семиозис (семиотическая деятельность) получил интенсивное развитие в американской науке, объектом исследования которой выступали самые разнообразные знаковые системы: жесты людей, языки животных и т.д.

Лингвистическое направление семиотики, восходящее к концепции Ф. де Соссюра, получило более широкое распространение в Европе. По мнению швейцарского лингвиста, семиотика должна изучать главным образом системы, опирающиеся на принцип конвенциональности знака, а формально немотивированные знаки могут возникнуть только в процессе эво-

Наталья Францевна КОВКЕЛЬ, кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории права Белорусского государственного экономического университета.

люции общества и коммуникации людей. Более того, в своем знаменитом «Общем курсе лингвистики» Ф. де Соссюр замечал, что и саму лингвистику следует изучать как часть более обширной науки о знаках — семиологии.

Современная семиотика представлена самыми разнообразными направлениями, начиная от абстрактной семиотики, исследующей общие законы организации и функционирования знаковых систем, и заканчивая такими ее отраслями, как биосемиотика, изучающая системы сигнализации в животном мире, этносемиотика, исследующая знаковые системы, связанные с бытом и культурой различных народов, семиотика искусства и др. Вместе с тем некоторые авторы весьма пессимистично смотрят на перспективы развития данной науки. Даже высказываются мнения о том, что из-за предельно широкого предмета исследования семиотика является не наукой, а лишь философской темой для обсуждения [3, 4].

Возможность использования семиотического анализа в области права в советской юридической литературе впервые была отмечена Е.А. Прянишниковым в статье «Семиотика и закон», опубликованной в 1973 г. [6, 91—97]. Он предложил применить к изучению права три раздела семиотики: правовую семантику, исследующую отношение норм права к действительности, которую они отражают и регулируют; правовую синтактику, исследующую правила согласованности и увязки правовых норм друг с другом; правовую прагматику, исследующую восприятие и понимание норм права лицами и органами, которым они адресованы [6, 93—97]. Прянишников предпринял также попытку семиотического анализа закона, определив его как вторичную моделирующую знаковую систему, основанную на знаковой системе естественного языка [6, 93]. Однако он ограничил свое исследование лишь тем, что определил особенности некоторых знаков, которые используются в тексте закона. Статья Е.А. Прянишникова основывалась на разработках ведущих центров семиотических исследований СССР: Московского и Тартуского. Некоторые авторы не без оснований считают Московско-Тартускую школу семиотики единой. Она объединила ученых на основе организационных и содержательных принципов и стала популярной настолько, что «русская семиотика оказалась практически единственной гуманитарной областью бывшего СССР, получившей мировую известность» [7, 5].

К сожалению, несмотря на столь основательный теоретический фундамент в области семиотики, использование данного метода в советском правоведении ограничилось лишь узким кругом работ. Число семиотико-правовых исследований в государствах постсоветского пространства незначительно и в настоящее время [8—12]. Среди этих работ необходимо отметить диссертационное исследование А.К. Саркисова «Семиотика права (историко-правовое исследование правовых знаковых конструкций)» [9]. В данной работе автор определил понятие семиотики права, указал на значимость и некоторые возможности использования семиотического метода в общей теории государства и права, разработал концепцию правовых знаковых конструкций и предложил «семиотический анализ правовых знаковых конструкций, их понятия и содержания, возникновения и развития их особенностей на современном этапе в аспекте процессов информатизации общества на примере правовых знаковых конструкций российского вексельного права» [9, 9]. Однако работа А.К. Саркисова на сегодняшний день является единственным диссертационным исследованием, посвященным семиотико-правовой проблематике. В русскоязычной юридической литературе отсутствуют также и монографические исследования в указанной области.

Невелико число работ в сфере семиотики права и в зарубежной юридической науке. Наиболее широкий круг семиотических проблем в юриспруденции анализируется в монографии профессора Калифорнийского университета Роберты Кевельзон «Право как система знаков», опублико-

ванной в 1988 г. [13]. Однако и в этом исследовании рассмотрены лишь некоторые из возможных видов знаков и знаковых систем, функционирующих в области права.

Исходя из того, что современную семиотику принято определять как науку о знаках и знаковых системах [14, 7], а некоторые авторы добавляют к предмету ее исследования еще и семиозис [3, 3—4], представляется необходимым определить прежде всего виды знаков и знаковых систем, существующих в правовой сфере.

Многочисленные определения знака, представленные в семиотике, чаще всего сводятся к тому, что под знаком понимается все что угодно, стоящее для интерпретатора вместо чего-либо другого. Ранее уже приводилась одна из таких универсальных дефиниций, предложенная Ч.С. Пирсом. Умберто Эко в своей знаменитой «Теории семиотики» определил знак сходным образом: «Знак есть все, что может рассматриваться как существенно подменяющее что-то еще» [15, 15]. Однако более точной представляется дефиниция знака, предложенная А. Соломоником: «Знак — это что-то, что обозначает или кодирует нечто из внесистемной реальности в целях описания этого нечто, нахождения нужного объекта или для обработки и получения новой информации» [3, 18]. Преимущество данного определения состоит прежде всего в указании целей использования различных типов знаков.

Дискуссионный характер до настоящего времени носит проблема классификации знаков. Наиболее распространенной является классификация, предложенная Ч.С. Пирсом, сущность которой состоит в делении знаков на иконы, индексы, символы. Иконические знаки изоморфны своему референту, сходны с ним. Индексом является знак, находящийся в непосредственной связи со своим референтом. В отличие от икон и индексов символ «осуществляет свою функцию независимо от какого-либо сходства или аналогии со своим объектом и равным образом независимо от какой-либо фактической связи с ним, но единственно и просто потому, что он интерпретируется как репрезентативен» [5, 196]. Связь между символом и референтом совершенно условна, и он «утратил бы свойства, делающие его знаком, если бы не было интерпретанты» [5, 196].

Однако большинство исследователей не находят эту трихотомию, равно как и иные, предложенные в семиотике варианты классификации знаков, полной и достаточной, особенно в процессе анализа реально существующих систем обозначения. Американский философ Сюзанна Лангер в работе «Философия в новом ключе», опубликованной в 1942 г., отмечала: «Чарльз Пирс, который, по-видимому, был первым ученым, серьезно разрабатывавшим проблемы семиотики, начал с того, что собрал воедино все «знаковые ситуации» в надежде, что вместе они обнаружат хоть какие-то эмпирические признаки отделения «чистых от нечистых». Но непослушное стадо вместо того чтобы разойтись по классам, четко обозначавшим их особенности, разбежалось в хаотическое нагромождение икон, якобы знаков, юр-знаков, сем, фем и деломов. Слабым утешением было лишь то, что первоначально собранные 59 049 типов знаков можно было свести к минимальному числу шестьдесят шесть» [16, 55—56]. Аналогичные замечания относительно недостаточности и неадекватности многочисленных классификаций знаков встречаются и в современной литературе [3, 6—7].

В связи с этим наиболее оптимальным для настоящего исследования представляется подход А. Соломоника, который, заключив что классификация отдельных знаков практически недостижима и нецелесообразна, классифицировал знаковые системы на основе образующих их базисных знаков. Такая классификация позволила свести все многообразие знаковых систем к пяти основным типам: естественные знаковые системы; образные знаковые системы; языковые знаковые системы; знаковые системы записи и кодовые знаковые системы [17, 28—41; 18, 32—131]. Указан-

ные типы знаковых систем расположены в той иерархии, в которой они возникли в филогенезе человечества и в онтогенезе каждого отдельного человека, а также по степени возрастающей абстрактности.

Первыми в фило- и онтогенезе появились естественные знаковые системы, основанные на естественных знаках. В качестве естественных знаков могут выступать любые реальные предметы или явления, которые сигнализируют о сопутствующих им объектах, недоступных непосредственному наблюдению. Таких естественных знаков бесчисленное множество, практически любой предмет или явление может стать в тех или иных обстоятельствах естественным знаком. За естественными знаковыми системами следуют образные, которые основываются на таком базисном знаке, как образ. Знак-образ — это уже не реальный предмет, свидетельствующий как естественный знак о каком-то целом, частью которого он является. Это изображение чего-то из реальности, связанное со своим референтом отношением, близким к изоморфизму. Знак-образ в той или иной степени похож по конструкции или по содержательным компонентам на изображаемое. «Образы могут быть очень похожи на изображаемый предмет (фотографии), похожи как шарж, похожи на изображаемое как карикатура, похожи по навеваемому настроению (музыка) либо их сходство с предметом или явлением устанавливается конвенциональным путем, по соглашению (как, например, в геральдике лев изображает силу и мощь)» [3, 9]. Почти вся культура человечества построена на различных образных системах. С точки зрения семиотики знак является образам именно потому, что он стоит намного дальше от своего референта, более емко по своему кванту абстракции, может включать в себя гораздо больший объем информации, нежели предшествующий ему естественный знак.

Еще более информативен по своему потенциалу следующий базисный знак — слово, на котором основаны многочисленные языковые системы. Словесный знак почти никогда (за исключением ономастопей) не изоморфен изображаемому, а имеет конвенциональный и условный характер. По отношению к референту слово стоит значительно дальше, нежели естественные знаки и образы, поэтому обладает значительно большей степенью абстракции, а базирующиеся на нем языковые системы характеризуются более сложной и содержательной логикой, нежели трансдуктивная логика образных систем.

Следующим типом знаковых систем являются системы записи, основанные на таком базисном знаке, как иероглиф. Иероглифы отстоят от своего референта еще дальше, чем слова, потому что по отношению к исходному референту они вторичны. Основным признаком систем записи является то, что они фиксируют данные иных знаковых систем. Например, письмо фиксирует устные языковые высказывания, географические карты — данные географических исследований и т.д. При этом системы записи не только фиксируют другие знаковые системы, но также «поднимают их на более высокий логический уровень, потому что их базисный знак и алгоритмы работы с ним гораздо более абстрактны, чем в предыдущих типах знаковых систем» [3, 11].

Наконец, высшей степенью формализации обладают математические коды, которые основаны на символах. Эти системы настолько абстрактны, что только в самых примитивных случаях могут существовать без значков и алгоритмов для их трансформаций, которые использует работающий с системой. Символ как базисный знак математических кодов обладает максимальным уровнем абстракции, т.е. может обозначать все, что угодно — любой предмет, качество, явление. Как отмечает А. Соломоник, именно математические коды венчают современную пирамиду знаковых систем, являются вершиной человеческого гения [3, 11—12]. Основные характеристики всех пяти типов знаковых систем определяются семиотическим

содержанием их базисного знака, степенью его абстрактности и местом в ряду других базисных знаков.

Данная классификация базисных знаков и основанных на них знаковых систем позволяет исследовать различные типы знаков и знаковых систем, представленных в праве. Право является настолько сложным феноменом, что на различных уровнях его бытия мы можем обнаружить все без исключения типы знаковых систем — от естественных до кодовых. Так, естественные знаковые системы функционируют в праве прежде всего на уровне правоотношений. В системе правомерного или правонарушающего поведения встречаются многочисленные естественные знаки, выступающие признаками тех или иных предметов, явлений, процессов. Наиболее известны различные следы (отпечатки пальцев, следы ног и т.д.), оставляемые человеком в процессе правового поведения и исследуемые криминалистикой.

Образные знаки и их системы представлены в праве разнообразной правовой символикой: предметными символами (флаг, форменная одежда, государственные награды и др.), изобразительными символами (герб, товарный знак, дорожные знаки), звуковыми и световыми символами, символами действия (различные правовые процедуры — от инаугурации до приветствия суда стоя) и др.

Слово и языковые знаковые системы выражают содержание норм права и выражены во всех видах правовой речи, а также зафиксированы посредством системы записи в разнообразных правовых текстах. Языковые знаковые системы и системы записи представлены в следующих видах правовых текстов и правовой речи: 1) текстах источников права (нормативных правовых актов, судебных и административных прецедентов, нормативных правовых договоров, доктринальных и канонических правовых текстах); 2) правореализационных, прежде всего правоприменительных, правовых текстах; 3) прикладной, как профессиональной, так и обыденной, правовой речи; 4) научных и учебных правовых текстах; 5) научной правовой речи и правовой речи образовательного процесса. Относительная обособленность указанных видов правовых текстов и правовой речи позволяет рассматривать их как языковые знаковые подсистемы или подсистемы записи.

Наконец, даже самые формализованные из знаковых систем (кодовые системы) могут быть представлены в праве, например, в случаях формализации правовых текстов, т.е. их перевода на язык формальной логики. Семиотический анализ всех этих типов знаков и знаковых систем, функционирующих в правовой сфере, позволит по-новому взглянуть на правовые явления и процессы, обогатить юриспруденцию новыми закономерностями.

Следует отметить, что указанные типы знаковых систем в праве соответствуют основным типам правопонимания. Действительно, естественные знаковые системы в праве, проявляющиеся на уровне правоотношений, соответствуют социологическому типу правопонимания. Образные знаковые системы, отражающие правовую реальность, адекватны психологическому подходу к праву. Наконец, языковые знаковые системы и системы записи представляют право в позитивистской трактовке как систему норм, выраженных в языке, и совокупность фиксирующих эти нормы текстов источников права. Представляется, что данное соотношение может составить предмет отдельного научного исследования.

Одним из наиболее перспективных направлений применения семиотического анализа в юриспруденции является исследование законодательства в качестве относительно самостоятельной языковой знаковой системы и системы ее записи. Еще Е.А. Прянишников отмечал, что языковая форма выражения содержания закона может быть рассмотрена в качестве вторичной моделирующей языковой знаковой системы, основанной на

знаковой системе естественного языка [6, 93]. С целью упрощения терминологии в настоящей работе мы будем использовать термин «языковая знаковая система законодательства», подразумевая под ним систему слов и иных знаков, содержащихся в текстах нормативных правовых актов и приводящихся в действие исключительно в соответствии с правилами, присутствующими данной системе.

Каждая знаковая система обладает следующими основными характеристиками: базисными и производными знаками, функциональными элементами системы, метаязыком системы, логиками оперирования системой, системой записи правил и операций знаковой системы, а также возможностью верификации промежуточных и окончательных результатов работы с системой [17, 41; 18, 133—136]. Знаковая система законодательства, будучи языковой, обладает всеми характерными чертами языковых знаковых систем, а также рядом особенностей, обусловленных спецификой ее содержания и юридической природой. Так, базисными знаками являются слова соответствующего естественного языка. Слово как базисный знак — это не только компактный квант информации, обладающий большим зарядом обобщения, но «это еще знак с огромной потенцией при изменении формы получить дополнительное значение» [17, 83]. Этот знак обладает разнообразными морфологическими и синтаксическими возможностями, обуславливающими широкий спектр его развития. Главной спецификой языковых знаков знаковой системы законодательства является доминирующее значение их прагматической функции, обусловленное регулятивной функцией права.

Базисные знаки системы законодательства характеризуются высокой степенью терминологизации и транстерминологизации, широким использованием обобщенно-абстрактных языковых средств, таких как гиперонимы (слова, обозначающие родовые понятия), формы глагола с отвлеченным вневременным значением, дейкты (местоимения и наречия без конкретизированного предметного содержания) и др. В связи с этим многие лексические единицы законодательства сложны для понимания особенно тех субъектов права, которые не обладают специальными юридическими знаниями. Семиотический анализ базисных знаков языковой знаковой системы законодательства позволяет определить уровень их прозрачности и мотивированности, т.е. понятности для интерпретаторов — субъектов права. Очевидно, что нельзя придать всем базисным знакам законодательства с самого начала их появления в системе абсолютную прозрачность, однако возможно четко разграничить прозрачные, мотивированные и немотивированные знаки с целью определить значение последних посредством явных или неявных легальных дефиниций. Представляется, что такому разграничению способствует континуум прозрачности слов в естественном языке, разработанный А. Соломоником в соответствии с критериями прозрачности и близости знака к своему референту [3, 66—69; 18, 153—164].

Данный континуум позволяет ранжировать все лексические единицы языковой знаковой системы законодательства от наибольшей связи с обозначаемым к наименьшей следующим образом: имена собственные, имеющие единственного референта; слова основного лексического фонда; незаимствованные из иностранных языков законодательные термины и транстермины; иноязычные слова (ассимилированная иноязычная лексика, юридические термины нелатинского происхождения, юридические термины-латинизмы, заимствованные неюридические термины и иноязычные транстермины); слова и словосочетания вторичной мотивации (мотивированные исключительно языковыми влияниями, внесистемными факторами, а также взаимодействием внесистемных и внутрисистемных факторов); дейктические и функциональные слова. Целесообразно определять законодательные понятия и располагать дефиниции в текстах норма-

тивных правовых актов согласно обозначенным семиотически однородным группам и подгруппам.

Из базисных единиц по определенным правилам грамматики, прагматики и другим правилам метаязыка знаковой системы законодательства образуются знаки более высоких уровней, так называемые составные производные знаки, а именно сложные слова, словосочетания, предложения разной сложности, синтагмы. Представляется, что в дополнительном семиотическом исследовании нуждается специфика образования сложных слов и словосочетаний, содержащихся в текстах нормативных правовых актов, и разнообразных предложений и синтагматических отрывков. При этом необходимо обратить особое внимание на форму распространенных повествовательных предложений нормативных предписаний, которая не совпадает с их логической сущностью. Все нормативные предписания эксплицитно или имплицитно содержат деонтические модальности «обязательно», «разрешено», «запрещено», выражаемые различными словами и словосочетаниями, однако большинство из них излагается дескриптивным (описывающим), а не прескриптивным (предписывающим) языком. Следует также учесть, что формирование синтагм в текстах нормативных правовых актов напрямую зависит от объединения нормативных предписаний в системные связи согласно юридической структуре норм права (гипотеза, диспозиция, санкция) и разнообразным связям между нормами.

Языковая знаковая система законодательства имеет целый класс функциональных элементов — знаков, предназначенных не для шифровки действительности, а для правильной организации материала внутри самой системы, установления связей между ее значимыми элементами — базисными и производными знаками. Специфическими функциональными элементами языковой знаковой системы законодательства являются разделительные, указывающие и отсылающие знаки. Особенно многочисленна в знаковой системе законодательства группа разделительных знаков. К их числу относится деление текстов нормативных правовых актов на разделы, главы, статьи, пункты и т.д. В качестве разделительных знаков выступают также все буквы алфавита или цифры, посредством которых выделяются отдельные пункты, а также слова типа «раздел», «глава», «статья» и т.п. В качестве указывающих знаков в знаковой системе законодательства используются слова, составляющие названия нормативных правовых актов, а также названия их структурных частей: разделов, глав, статей, а в качестве отсылающих знаков — слова, которые направляют субъектов права (интерпретаторов) к другим местам нормативных правовых актов. Специфической особенностью указывающих и отсылающих знаков законодательства является их одновременная принадлежность к базисным либо производным знакам (нечто обозначающим), с одной стороны, и к функциональным знакам, предназначенным для правильного функционирования системы, — с другой. Из сказанного выше о знаках языковой знаковой системы законодательства вытекает очень важное и давно известное в правотворческой технике правило: тексты нормативных правовых актов не должны содержать элементов, не обладающих смысловым либо функциональным значением.

Важнейшей характеристикой языковой знаковой системы законодательства, как и любой другой знаковой системы, является ее метаязык. Метаязык знаковой системы — это зафиксированный алгоритм ее функционирования. Он определяет базисные знаки системы, как они соединяются в знаки более высокой иерархии, какие при этом происходят морфологические изменения в базисных знаках, как все эти знаки собираются в предложения, отрывки и синтагмы, какие операции при этом можно и нужно производить со знаками [17, 87]. Чем более абстрактна знаковая система, тем важнее для нее хорошо разработанный и однозначный метаязык. Ме-

таязык знаковой системы законодательства зиждется на правилах словообразования, морфологии, синтаксиса и составления синтагм соответствующего естественного языка. Однако при этом ему присущ ряд специфических черт, нуждающихся в дополнительном семиотическом исследовании.

Метаязык каждой знаковой системы строится на основе логик ее оперирования. Соломоник выделяет три типа таких логик: во-первых, логику соответствия между тем, что отражено в знаковой системе, и тем, что объективно происходит во внесистемном мире, т.е. соответствия между отражаемым и отраженным; во-вторых, логику внутрисистемных трансформаций, т.е. логику действия самой знаковой системы; в-третьих, логику приложения системы, изменяющую результат действия знаковой системы в направлении ее определенной аппликации [3, 176—188; 17, 120]. В языковых знаковых системах три указанных типа логики имеют одинаковую значимость. Спецификой же языковой знаковой системы законодательства как системы более формализованной, нежели естественный язык, является доминирование логики приложения системы. Исследование указанных типов логик оперирования языковой знаковой системы законодательства позволит значительно усовершенствовать правотворческий и правоприменительный процессы. Наконец, каждая знаковая система обладает системой записи ее правил и операций, в связи с чем тексты нормативных правовых актов могут быть рассмотрены как система записи соответствующей языковой знаковой системы законодательства.

Представляется, что анализу по обозначенным параметрам могут быть подвергнуты самые разнообразные знаковые системы, функционирующие в праве: от естественных до кодовых. Подобное семиотическое исследование позволит обнаружить множество новых закономерностей, присущих праву как совокупности знаковых систем. Более того, на основе указанного анализа возможна разработка семиотического подхода к праву как сложной системе различных типов знаков и основанной на них иерархии знаковых систем.

Литература

1. Моррис, Ч.У. Основания теории знаков / Ч.У. Моррис // Семиотика: сб. науч. ст. / Ю.С. Степанов [и др.]; под общ. ред. Ю.С. Степанова. — М.: Радуга, 1983.
2. Мартынов, В.В. Кибернетика. Семиотика. Лингвистика / В.В. Мартынов. — Минск: Наука и техника, 1966.
3. Соломоник, А. Позитивная семиотика (о знаках, знаковых системах и семиотической деятельности) / А. Соломоник; под ред. Г. Крейдлина. — Минск: МЕТ, 2004.
4. Гречко, В.А. Теория языкознания: учеб. пособие / В.А. Гречко. — М.: Высш. шк., 2003.
5. Мельвиль, Ю.К. Чарлз Пирс и прагматизм / Ю.К. Мельвиль. — М.: Наука, 1968.
6. Прянишников, Е.А. Семиотика и закон / Е.А. Прянишников // Правовая кибернетика: сб. ст. / Акад. наук СССР; Науч. совет по комплексной проблеме «Кибернетика». — М., 1973.
7. Почепцов, Г.Г. История русской семиотики до и после 1917 года / Г.Г. Почепцов. — М.: Лабиринт, 1998.
8. Чернявская, Н.Ф. Семиотический анализ текста Конституции Республики Беларусь / Н.Ф. Чернявская // Канстытуцыйны працэс у Рэспубліцы Беларусь: сучасны стан і перспектывы развіцця: матэрыялы міжн. «круглага стала» / Гродз. дзярж. ун-т; адк. рэд. М.У. Сільчанка. — Гродна, 1997.
9. Саркисов, А.К. Семиотика права (историко-правовое исследование правовых знаковых конструкций): автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / А.К. Саркисов; МГУ. — М., 2000.
10. Рахимов, Р.А. Политическая власть и право: проблемы семиотического анализа / Р.А. Рахимов, А.Г. Хабибулин // Правоведение. — 2000. — № 2.
11. Ковкель, Н.Ф. Основные логические особенности содержания закона и форм его выражения: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Н.Ф. Ковкель. — Гродно, 2001. — 109 л.
12. Ковкель, Н.Ф. Возможности семиотического анализа системы законодательства / Н.Ф. Ковкель // Проблемы совершенствования хозяйственного законодательства Республики Беларусь на современном этапе: материалы Междунар. науч.-практ. конф. / БГЭУ; отв. ред. И.В. Новикова. — Минск, 2004.
13. Kevelson, R. The law as a system of signs / R. Kevelson. — N. Y.; L., 1988.
14. Степанов, Ю.С. В мире семиотики / Ю.С. Степанов // Семиотика: сб. раб. / Ю.С. Степанов [и др.]; под общ. ред. Ю.С. Степанова. — М.: Наука, 1983.

□□□□□□□□ □□□□□□□□ □□□□□□□□ □□□□□□□□. □□□□□□□□.
 □□□□□□□□□□ □□□□□□□□□□□□ □□□□□□□□□□ □□□□□□□□□□. □□□□□□□□□□.